

Он волосы прилежно расчесал,
Корицы, кардамона пожевал,
«Листок любовный»⁹⁹ сунул под язык
(Он верить в снадобье сие привык)
И, добредя до Плотникова дома,
Прильнул к ее окошечку резному
Так, что ему косяк вдавился в грудь,
Откашлялся, чтобы передохнуть,
И начал так: «Сладчайшая богиня,
К моей мольбе склонися ты хоть ныне,
Дыханье уст твоих мне что корица.
Души моей пресветлая денница,
Скажи хоть слово другу своему,
И мысленно тебя я обойму.
Жестокая! Ведь нет тебе заботы,
Что я ослаб не от ночной работы,
Что от тоски меня бросает в пот,
Что стражду я уж скоро целый год.
Я – что теля, от вымени отъято,
Что голубок, любовьию объятый.
Мне внутренность сжигает огневица,
И ем я мало, словно я девица».
«Пойди ты прочь, напыщенный осел! -
Она ответила. – Зачем сюда пришел?
Выклянчивать улыбки, поцелуя,
Ты знаешь сам, что не тебя люблю я.
Ступай же прочь и не мешай мне спать,
Не то тебя сумею наказать».
«Увы! О, горе мне! – заохал он. -
Бывал ли так поклонник награжден?
Ну поцелуй меня хоть раз, голубка,
Узнать хочу, твои сколь сладки губки».
«Тогда уйдешь?» – спросила тут она.
«Фиал печали изопью до дна,
Но все ж послушаюсь». – «Так обожди же,
Ну, подойди к окошку, и поближе».
Авессалом к стеклу совсем пркникнул,
И Николас с досады чуть не крикнул.
Но Алисон его слегка толкнула
И тихо на ухо ему шепнула:
«Тс! Тише! Будешь ты, мой друг, доволен,
И посмеемся мы с тобою вволю».
А у окна Авессалом стонал,
Но в глубине души он ликовал:
«Вот наконец предел моих желаний.
Сей поцелуй – залог ночных лобзаний.
Приди, любовь моя! Мой добрый гений!»
И встал перед окном он на колени.
«Скорей! – она ему. – Ко мне нагнись,
Пока соседи все не поднялись».
Запекшиися облизнул он губы,
От нетерпенья застучали зубы

---

⁹⁹ «Листок любовный» – ароматная трава.